

УДК 821.161.1

**КАЛАМБУР КАК ТРАДИЦИЯ АРЗАМАССКОГО СМЕХОВОГО СЛОВА
В РОМАНЕ А.С.ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»**

Т.А.Савоськина

*кандидат филологических наук, доцент,
Измаильский государственный гуманитарный университет*

В статье прослеживается смеховая традиция арзамасской культуры в пушкинском романе «Евгений Онегин». Рассмотрены вопросы специфики арзамасского языка на примерах стихотворных эпиграмм Д.В.Даикова и П.А.Вяземского. Подчеркивается, что литературное общество «Арзамас» стало для А.С.Пушкина школой формирования новых творческих принципов, особенно в сфере смехового слова. На материале третьей главы «Онегина» доказывается, что автор активно использовал для создания каламбура языковые приемы арзамасцев: антропонимы и полисеманты, омонимы и омофоны. Словесная игра создавала в произведении не только комический эффект, но и иллюзию живой разговорной речи, «болтовни», обусловившей движение пушкинской мысли к свободной форме стихотворного романа.

Ключевые слова: *литературное общество «Арзамас», традиция, каламбур, антропонимы, полисеманты, омонимы, омофоны, свободный роман.*

В последнее время наблюдается повышенное внимание современного литературоведения к проблеме феномена арзамасского смехотворчества и его рецепции в творчестве А.С.Пушкина. С этой точки зрения интерес представляет «самое задушевное» произведение Пушкина - «Евгений Онегин». Исследуя традицию «Арзамаса» в пушкинском романе, А.Лукьянович резюмирует: дружески настроенный к своему читателю автор «Евгения Онегина» напоминает арзамасский тип личности: здесь и самоирония и пылкое отношение к дружбе, литературе, имитация разнообразия живой речи и интонация «болтовни», определившей движение пушкинской мысли к свободной форме стихотворного романа[1].

В контексте приведенных рассуждений актуальное звучание приобретает вопрос о роли каламбура как языкового средства выражения комического в пушкинском романе, имплицитно ориентированного на приоритеты смеховой культуры литературного общества «Арзамас». Обозначенная проблема, связанная с поэтикой комического, до сих пор остается наименее изученной сферой пушкинского наследия. Подтверждая значимость этой проблемы, Д.Д.Благой справедливо писал: «...отвергать ... грань “легкого” и “веселого” в пушкинском творчестве или не отдавать ей, как это обычно делается, должного внимания – значит ... не понять *всего* Пушкина, не заметить и не оценить одной из характернейших черт его гения, при отсутствии которой Пушкин не был бы тем, что он есть» [2, 279-288].

С целью уяснения восприятия и преемственности каламбура Пушкиным как смеховой традиции арзамасцев акцентируем внимание на специфике арзамасского языка, априори формировавшегося в борьбе молодых карамзинистов с эстетическими приоритетами «Беседы любителей российской словесности». По авторитетному мнению В.Э.Вацура, особенности этой речи «прежде всего, определяло игровое и пародийное начало, благодаря которому и появился особый «арзамасский язык», – язык «кружка с ограниченным, а потому понятным для посвященных набором тем, сюжетов и объектов речи; язык ироничных и перифрастических иносказаний и аллегорий в комически сниженном виде воспроизводящих «темноту» и торжественную важность «высокого» стиля» [3, 10].

Особое место в арзамасском языке принадлежало каламбуру. Наряду с алогичными лексемами, неологизмами, синонимами «нового рода» (тарабарская грамота или галиматъя) словесная острота ломала стереотипы восприятия за счет непредсказуемости и необычности смысла. Включаясь в языковую игру, каламбур создавал в арзамасских текстах комический

эффект благодаря семантической двуслойности, порождая несоответствие плана содержания и плана выражения. Остротами, каламбурами, меткими словами славились В.А.Жуковский, В.Л.Пушкин, Войков, Дмитриев и особенно П.А.Вяземский, о котором А.С.Пушкин писал: *Язвительный поэт, остряк замысловатый, и блеском колких слов, и шутками богатый.*

Обратимся к конкретным примерам. Известно, что формальным катализатором появления литературного общества «Арзамас» стала стихотворная комедия А.А.Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды». В ней иронично был высмеян В.А.Жуковский, сторонники которого восприняли пьесу как личное оскорбление. После состоявшейся премьеры молодые карамзинисты обрушили на Шаховского лавину сатирических произведений, названных самим драматургом «липецким потоком». В этих стихотворных текстах, предопределивших ключевые темы будущих протоколов и речей «Общества безвестных людей», активно использовались каламбуры, для построения которых молодые литераторы чаще всего употребляли антропонимы, полисеманты, антонимы, синонимы, аллюзии, реминисценции.

Так, на следующий день после премьеры комедии один из злейших гонителей князя Шаховского Дмитрий Васильевич Дашков сочинил кантату под названием «Венчание Шутовского», которая пелась хором всеми арзамасцами на каждом заседании общества. Пародируя торжественное возложение на главу Шаховского лаврового венка его друзьями в честь успеха «Липецких вод», Дашков едко обыграл в своих стихах тему шутовства и мнимой славы комедиографа, используя каламбурную технику. Основу языковой игры в стихотворном тексте составили антропоним-прозвище и антанаклаз, определивших лейтмотив «Венчания»: *Хвала, хвала тебе, о Шутовской // Хвала, герой! // Хвала, герой!*

Автор «Венчания» использовал ранее признанное и одобренное карамзинистами «издевательское» прозвище Шаховского. Возможно, что модифицируя реальную фамилию драматурга посредством корневого «сдвига», будущие арзамасцы таким образом обыгрывали этимологические упражнения лидера «Беседы» А.С.Шишкова в области «корнесловия». Следуя этому учению, *Шутовской* происходит от слова *шут*, которым первоначально называли в древнерусском языке «дурачка», кривляющегося на потеху другим и выставляющего самого себя на посмешище. Прозвищное наименование становится в текстах арзамасцев сатирической маской комедиографа.

Карикатурный образ шута и его мнимых почестей усиливается языковой игрой посредством многократного повтора слова «хвала», приобретающего в стихотворном тексте каламбурную многозначность. Комический эффект создается благодаря семантическому столкновению лексического повтора, при котором первоначальное понимание заменяется противоположным. Так, в первой строфе «хвала» *Беседы всей* своему кумиру употребляется Дашковым в значении славословия и восхваления: *Вчера в торжественном венчанье // Творца затей // Мы зрели полное собранье // Беседы всей; // И все в один кричали в строй: // Хвала, хвала тебе, о Шутовской! // Хвала, герой! // Хвала, герой!* [4, 295]. В последующих же строфах повтор меняет свой смысл, оборачиваясь, по сути, хулой. Негативные характеристики литературного противника каждый раз завершаются повторяющимися комплиментарными строками, приобретая обличительную тональность: *Он злой Карамзина гонитель, И враг талантов записной, он сам себе поет венчальный гимн: Хвала, хвала тебе, о Шутовской! // Хвала, герой! // Хвала, герой!* [4, 296-297]. Славословие *Беседы всей*, с которого начиналась кантата, целенаправленно «демаскируется» и завершается саркастическим подтекстовым вердиктом автора «Венчания»: *Явление во славе Шаховского – это трагедийный триумф. Поскольку гимн Дашкова оказывается пародийным, так и само величие Шаховского оказывается ложным». Такое трагедийное снижение и осмеяние Шаховского, а вместе с ним и всей «Беседы» станет характерным для шуточных протоколов и речей арзамасцев.*

Каламбурную тему Шутовского-Шаховского и мнимых его «чудес» подхватил и развил П.А.Вяземский, вошедший в историю русской литературы как блестящий эпиграмматист. Он сплел комедиографу свой «Поэтический венок» из девяти эпиграмм и поднес ему как личный подарок «за многие подвиги». Цикл эпиграмм Вяземского был восторженно

встречен членами «Арзамаса», о чем сообщал ему Д.В.Дашков в письме от 26 ноября 1815 г: «Все вытвердили наизусть «Поэтический венок» ваш». Каламбурные формулы стихотворных текстов Дашкова и Вяземского, а также их варианты, адресованные литературному врагу Шаховскому и его сторонникам, активно использовались в шуточных протоколах и похвальных речах арзамасцев.

Пушкину-лицейсту импонировала энергия веселья Общество безвестных людей с их новыми эстетическими приоритетами. У него было много общего с ними: склонность к острословию, шуткам, любовь к Карамзину, Жуковскому, Батюшкову и непримиримость к одним и тем же литературным врагам. 27 марта 1816 года он писал из Царского Села П.А.Вяземскому: «Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и в невинном удовольствии погребать покойную Академию и Беседу губителей Российского Слова. Любезный арзамасец! утешьте своими посланиями – и обещаю вам, если не вечное блаженство, то по крайней мере искреннюю благодарность всего Лицея. Простите, князь – гроза всех князей-стихотворцев на Ш» (имеется ввиду Шаховской, Ширинский-Шихматов [5, 9]).

Пушкина приняли в литературное общество перед распадом арзамасского круга. Тем не менее, как отмечают большинство литературоведов, «Арзамас» стал для него школой формирования новых творческих принципов, особенно в сфере речевой традиции, верность которой поэт сохранял на протяжении всего творчества: от ранней лирики до зрелого романа «Евгений Онегин».

В этом смысле показательна вторая деревенская глава «Евгения Онегина», которой предпослан двуязычный эпиграф: «O rus!... Ноr. O Русь!» Латинское «rus», означающее «деревня», взято из Горация (Сатиры. Кн.2. сатира 6). Тем самым эпиграф становится каламбуром, так как «Русь» приобретает смысл и страны, и деревни или, точнее, страны-деревни. Логическим продолжением эпиграфа служит идущая за ним первая строка главы: *Деревня, где скучал Онегин, // Была прекрасный уголок...* [6,30] В данном случае каламбур построен на межъязыковой омонимии, когда слово в одном языке чрезвычайно близко по произношению к слову или созвучию в другом языке, это довольно редкое явления, но которое оказалось подвластно Пушкину. По мысли Ю.М.Лотмана, «двойной эпиграф создаёт каламбурное противоречие между традицией условно-литературного (идиллического) образа деревни и представлением о реальной русской деревне» [7,388]. Вероятно, одна из функций этой «двойчатки» именно такова. Но она не единственная и, может быть, не самая главная. Каламбурный эпиграф можно рассматривать как некий поэтический механизм переключения серьезного на шутовое и наоборот. Действительно, именно русская деревня в отличие от города с ее чужеродной культурой предстаёт в пушкинском романе квинтэссенцией национальной жизни. Безусловным центром в деревенской системе ценностей оказывается Дом, олицетворяющий единство семьи и рода. Этот образ апеллирует к патриархальной семье Лариных. В их размеренной жизни проступает приверженность к народным традициям, незыблемость уклада, умение жить домашним кругом. Вместе с тем отсутствие духовных запросов и сосредоточенность провинциальных дворян лишь на бытовом укладе жизни создает прецедент для пушкинской иронии, шутки, а порой и сарказма, выражаемых в каламбурной форме. Главным объектом пушкинской иронии становится Дмитрий Ларин. Бывший военный, командующий бригадами из нескольких полков, награжденный очаковской медалью, после женитьбы оказался под пятой своей супруги; женская логика ей подсказала, что путь к единовластию в поместье лежит через желудок мужа. И с этой стороны, Дмитрий Ларин был всегда удовлетворен, а потому хозяйством не занимался, жизнью дочерей не интересовался. Считая книги «пустой игрушкой», он не *не заботился о том, // Какой у дочки тайный том // Дремал до утра под подушкой* [6,42]. Изящная ирония в адрес отца семейства передается посредством каламбурной рифмы, построенной на намеренном столкновении омофонов *о том – том*, создающих комический эффект. Как правильно заметил Ю.Тынянов, комизм каламбурной рифмы заключается в звуковой точности составной рифмы. И Пушкин блестяще с этой задачей справлялся.

Стол, еда и халат, ставшие смыслом ежедневного бытия Дмитрия Ларина, приводят его к тому, что он утрачивает в семейной жизни мужскую крепость и умирает, по сути дела, за неостребованностью – *в час перед обедом*, не успев поднести ложку ко рту. Сонный образ чревоугодника обыгрывается Пушкиным в эпитафии: *Смиранный грешник, Дмитрий Ларин, // Господний раб и бригадир // Под камнем сим вкушает мир* [6,45]. Иронический ореол здесь сохраняется благодаря полисемантическому каламбуру, основанному на образной метафоре *вкушает мир*, содержащей двоякий смысл. Лексическая единица ассоциируется как с познанием другого мира и одновременно со значением *съесть, принять пищу*. Выступая векторным коррелятом к названию офицерского чина (бригадир) метафора имплицитно фокусирует внимание читателя на главном занятии, которому предавался в семейной жизни ленивый домосед – ел и пил ради физического удовольствия, усыпляя тем самым разумную часть духа. «Бывают на свете такие люди, – тонко заметил В.Г.Белинский, – в жизни и счастья которых смерть не произведет ровно никакой перемены» [8, 544].

Неоднозначная оценка автором провинциальной деревенской жизни завуалирована и в фамилии Лариных, таящей в себе «двусмысленный каламбур»: здесь вспоминаются античные домашние боги Лары и одновременно – ларь со специфическим значением этого слова, встречающегося в русских говорах – гроб.

Таким образом, в условиях ощутимого изменения культурной и политической атмосферы Пушкин сохраняет в романе «Евгений Онегин» приверженность к арзамасской смеховой культуре, одним из проявлений которой был каламбур. «Арзамас» явился для поэта тем прецедентом поэтической свободы, которую он максимально реализовал в своем стихотворном романе. Он задействовал в словесной игре не только полисемию и этимологию фамилии, характерных для арзамасских каламбуров, но и успешно экспериментировал с омонимами и омофонами для создания каламбурной составной рифмы с двусмысленными образными метафорами. Игровое начало, обусловленное пушкинским острословием, содействовало преодолению монотонности повествования «Онегина», переключало его с серьезного плана на шуточный и наоборот, порождая тем самым иллюзию живой разговорной речи, интонацию «болтовни», определившей движение пушкинской мысли к свободной форме стихотворного романа.

1. Лукьянович Е. А. Традиция «Арзамаса» в творческом наследии А.С. Пушкина: От лицейской лирики к роману «Евгения Онегина»: Автореф. дис. канд. филол. наук. Томск, 2004. – 22 с.
2. Благой Д. Д. Смех Пушкина // От Кантемира до наших дней. / Д. Д. Благой.– М. : Художественная литература, 1979 – Т. 1. – 522 с.
3. «Арзамас»: сборник в 2-х книгах / Под общ.ред.: В. Э. Вацуро, А. Д. Осповата. – М. : Художественная литература, 1994. – Кн. 1: Мемуарные свидетельства. Накануне «Арзамаса»; Арзамасские документы. – 606 с.
4. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : В 16 тт. – М.; Л. : АН СССР, 1937-1959 / А. С. Пушкин. – М.; Л. : АН СССР, 1949. – Т. 12. Критика. Автобиография. – 576 с.
5. Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 тт. –М. : ГИХЛ, 1959-1962 / А. С. Пушкин.– М. : Художественная литература, 1962. – Т. 9. – 494 с.
6. Пушкин А. С. Собр. соч.: В 6 тт. – М. : Правда, 1969 / А. С. Пушкин. – М. : Правда, 1969. – Т.4. – 477 с.
7. Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1980. – 415 с.
8. Белинский В. Г. Собр. соч.: В 3-х тт. – М. : ОГИЗ, 1948 / В. Г. Белинский. – М. : ОГИЗ, 1948. – Т. 3. – 670 с.

Савоськіна Т. О. Каламбур як традиція арзамаського сміхового слова.

У статті простежується сміхова традиція арзамаської культури в пушкінському романі «Євгеній Онегін». Розглянуті питання специфіки арзамаської мови на прикладах віршованих епіграм Д.В.Дашкова і П.А.Вяземського. Підкреслюється, що літературне товариство «Арзамас» стало для О.С.Пушкіна школою формування нових творчих принципів, особливо у сфері сміхового слова. На матеріалі третьої глави «Онегіна» доводиться, що автор активно

використовував для створення каламбуру мовні прийоми арзамасцев: антропоніми і полісеманти, омоніми й омофони. Словесна гра створювала у творі не лише комічний ефект, але й ілюзію живого розмовного мовлення, «базікання», що зумовило рух пушкінської думки до вільної форми віршованого роману.

Ключові слова: літературне товариство «Арзамас», традиція, каламбур, антропоніми, полісеманти, омоніми, омофони, вільний роман.

Savoskina T. O. Pun as the Arzamas Tradition of Laughter in A.S.Pushkin's Novel «Eugene Onegin».

The article traces the tradition of laughter of Arzamas culture in A.S.Pushkin's novel «Eugene Onegin». The consideration of the problems of the Arzamas language specificity is based on the examples of verse epigrams of D.V.Dashkov and P.N.Vyazemskiy. It is emphasized that the literary society of «Arzamas» became the school of formation of new creative principles for A.S.Pushkin, especially in the field of comic speech. The material of the third chapter of «Eugene Onegin» proves that the author used Arzamasian language techniques for the creation of pun: anthroponyms, polysemantic words, homonyms and homophones. The quibble of the literary text was used to creative a comic effect, as well as the illusion of a live conversation, «chatter», leading to A.S.Pushkin's free form of a verse novel.

Key words: «Arzamas», tradition, pun, anthroponyms, polysemantic words, homonyms, homophones, free novel.